

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ



УДК 821.161.1-1(Соснора В. А.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-01. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ КАК «ЗАПЕВШИЙ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»: «КАРАЧАРОВО» ВИКТОРА СОСНОРЫ

Ковалева Т. И.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Лоцилов И. Е.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

А н н о т а ц и я . В основе статьи лежит разбор стихотворения Виктора Сосноры (1936–2019) «Карачарово» (1959). Поэт вошел в литературу книгой стихотворений о Древней Руси («Всадники»). Он хорошо знал письменные памятники, фольклор, также был начитан в фольклористике. При этом чувствовал себя наследником русского футуризма. Главные «герои» стихотворения, былинский богатырь Илья Муромец и поэт Владимир Маяковский, скрыты фигурой умолчания. Их образы выявляются при анализе реминисцентного плана стихотворения. Формируя его, Соснора «перефантазирует» события произведений разных эпох, «обновляя» их для современного читателя. Кроме того, обращаясь к культурной (Карачарово – родное село Ильи Муромца) и реминисцентной (отсылка к хрестоматийным строчкам Маяковского) памяти, Соснора выстраивает перспективу исторических времен, прошлого и будущего. Параллель между богатырем и поэтом, Карачарово и Багдади с большой вероятностью восходит к книге Виктора Шкловского «О Маяковском» (1940) и через нее – к забытой, но известной Шкловскому рецензии Романа Гуля 1923 г. на стихи Маяковского, опубликованной в берлинской газете «Накануне». Обращаясь к древнерусским памятникам и фольклору, молодой Соснора решал проблему глубинного, не поверхностного, наследования традициям русского футуризма (Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Николай Асеев). Также в статье подробно рассмотрена ритмика и композиция стихотворения. Выявлена специфика тактовика «Карачарова» в основной части стихотворения, опирающегося на пеан III, а в последней строфе приобретающего анапестическое звучание. Описана богатая система аллитераций и других приемов организации стихотворения (оригинальная графика, переносы, открытые и закрытые слоги в позиции рифмы). Отмечены «неявные» смысловые параллели с другими стихотворениями «Всадников» («Рогнеда», «Калики»).

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; стихотворения; Илья Муромец; русские богатыри; русский фольклор; фольклоризм; реминисценции

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ковалева, Т. И. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 9–21. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-01.

VLADIMIR MAYAKOVSKY AS “A SINGING ILYA MUROMETS”:
“KARACHAROVO” BY VIKTOR SOSNORA

Tatiana I. Kovaleva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Igor E. Loshchilov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Summary. The article analyzes the poem by Viktor Sosnora (1936–2019) “Karacharovo” (1959). The poet entered the world of literature with a book of poems on Old Russia (“Horsemen”). He knew well not only written monuments, but also folklore, was well-read in folklore studies. At the same time, Sosnora felt himself the heir to Russian futurism. The main characters of the poem – the epic hero Ilya Muromets and the poet Vladimir Mayakovsky – are hidden through the figure of silence. Their images are revealed by the analysis of the reminiscent plan of the poem. Forming it, Sosnora “re-fantasizes” the events described in the works of different epochs, “updating” them for the modern reader. Besides, turning to cultural (Karacharovo is the native village of Ilya Muromets) and the reminiscent (a reference to the well-known lines of Mayakovsky) memory, Sosnora builds the past and the future in a historical perspective. The parallel between the bogatyr and the poet, Karacharovo and Baghdadi, most likely goes back to Viktor Shklovsky’s book “On Mayakovsky” (1940), and through it to the forgotten, but known to Shklovsky review of Roman Gul on Mayakovsky’s poems (1923) published in the Berlin newspaper “Nakanune”. If for Mayakovsky the epic time is in the past, for Sosnora it has not yet come; Ilya Muromets has yet to be born in Karacharovo. The tavern motif introduces the memory of the poetry and the fate of Sergei Yesenin into the associative field of the poem. Turning to the Old Russian writings and folklore, the young Sosnora solved the problem of deep, not superficial, inheritance of the traditions of the Russian futurism (Vladimir Mayakovsky, Velimir Khlebnikov, Nikolai Aseev). The article also considers the rhythmic and composition of the poem in detail. It reveals the specificity of the tactician “Karacharovo” based in the main part of the poem on paean III (4 stanzas), and in the last stanza sounding anapestic. A rich system of alliterations and other methods of organizing the poem, such as original graphics, hyphenation, open and closed syllables in rhyme positions, is described. “Implicit” semantic parallels with other poems of “Horsemen” (“Rogneda”, “Kaliki”) are noted. “Reticence”, “figure of silence”, “reservation”, and “hints” become a means of involving into the creative process of the reader, who, the same as the author, has the right to “re-fantasize” the poetic text.

Keywords: Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; poetic genres; poems; Ilya Muromets; Russian bogatyrs; Russian folklore; folklorism; reminiscences

For citation: Kovaleva, T. I., Loshchilov, I. E. (2022). Vladimir Mayakovsky as “a Singing Ilya Muromets”: “Karacharovo” by Viktor Sosnora. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 9–21. DOI: 10.51762/1FR-2022-27-04-01.

В книге Виктора Сосноры «Всадники» (1969), в отличие от ранних (редакторских) вариантов «древнерусского» цикла, вошедших в первые два сборника поэта [Соснора 1962: 55–98; 1965: 117–152]¹, выявляется пласт стихотворений, отсылающих к былинам и другим произведениям песенного народного творчества:

«Калики», «Карачарово», «Скоморохи», «Калика», «Соловей-разбойник», «Боярин», «Марина» и др. Названия стихотворений и их содержание показывают, что Соснора хорошо владел материалом былин, мастерски их «перепантасируя»². Обращение к ним было отмечено Д. С. Лихачевым в предисловии к из-

¹ В предисловии к одной из поздних публикаций ранних стихов Сосноры писал: «Единственная цельная книжка, вышедшая в те времена, – „Всадники“ с предисловием академика Д. Лихачева. Остальные – перепечатки, обмылки» [Соснора 1996: 51].

² «Перепантасирование» – самоопределение Сосноры: творческий принцип работы с материалом источников, оригинального «Слова о полку Игореве» и летописей при написании своего «Слова о полку Игореве» [Маграчев 1969]. «Перепантасируя» сюжеты, образы, события, отраженные в памятниках, поэт «обновляет» их для современного читателя. Это самоопределение можно распространить на весь цикл.

данию «Всадников» (1969) [Соснора 1969: 9]. Первые литературные обработки русских былин известны начиная с XVII в. (см. об этом, например: [Малышев 1956; Астахова и др. 1960: 7–78]). Однако, по верному наблюдению ученого, в «поэтическом отношении к Киевской Руси (а именно о ней по преимуществу говорит книга Виктора Сосноры) <и в сознании современного Сосноре читателя – Т. К., И. Л.> господствовали штампы и трафареты, созданные в свое время А. К. Толстым <...> Виктор Соснора разрушает эти красоты <...> Он стремится увидеть Русь в живой плоти – страдающей или по-простому радующейся, борющейся, материально-конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой. <...> Русь А. К. Толстого могла перейти в оперу и в живопись. Она могла стать такой же популярной, как оперная ария. Стихи Сосноры <...> не создают новый стиль восприятия эпохи, а разрушают существующие стилизации» [Там же: 5–10].

Одним из источников былин для Сосноры, вероятно, был сборник Кирши Данилова. Поэт высоко оценивал художественные достоинства сборника, отмечал его интересный состав [Соснора 1995: 96]. По свидетельству вдовы поэта, Т. В. Сосноры, он рекомендовал сборник и ученикам ЛИТО; в его домашней библиотеке хранится экземпляр 1938 г. [Древние российские стихотворения 1938]¹. Однако стихотворения цикла «Всадники» отсылают и к былинам, которых нет в сборнике Кирши Данилова (например, о Добрыне и Маринке). Наверняка поэт обращался и к другим их изданиям².

Один из центральных персонажей русских былин – богатырь Илья Муромец, историческое лицо и агиографический персонаж

(см. об этом, например: [Лопухина, Флора 2009; Бибииков 2018]). Его образ, значимый для концепции «Всадников», присутствует в цикле неявно, как «фигура умолчания»³. Он представлен «явно» и назван по имени, Илейка Муромец, лишь в одном из стихотворений «Всадников» – «Соловей-разбойник». Второй значимый для цикла персонаж, не названный по имени, образ которого также создан «намекками» – поэт Владимир Маяковский. Образы обоих персонажей, находящиеся в сложной связи, фигурируют в стихотворении «Карачарово». На его примере нам бы хотелось выявить присутствие этих двух неназванных главных героев.

Наше внимание будет сосредоточено на исследовании аллюзивного плана стихотворения и его ритмической структуры, наглядно демонстрирующих одну из ключевых черт поэтики Сосноры – «недоговоренность», «недосказанность», построение концепции при помощи «намекков», часто достаточно тонких и т. п. Именно поэтому «минус-прием» и «фигура умолчания» – частые гости на страницах «Всадников».

«Карачарово» было создано в 1959 г.; впервые издано во втором сборнике стихотворений Виктора Сосноры, «Триптих» (1965), как шестое в составе семичастного цикла «Из песен Бояна» [Соснора 1965: 139–140].

Третья книга целиком состояла из стихотворений по мотивам Древней Руси; начиная с этого издания цикл обрел название «Всадники». Здесь «Карачарово» было напечатано как самостоятельное стихотворение, вне циклов [Соснора 1969: 17–18]⁴.

С небольшими разночтениями, о которых скажем далее, оно входит в состав двух из трех известных нам машинописных редакций

¹ Из-за склонности Сосноры к мистификации и «редактированию» своей биографии нет точных сведений о круге его чтения. Зачастую они могут быть восстановлены из воспоминаний людей, входивших в круг общения поэта, его интервью. В год Марины Цветаевой (1992) «Литературной газетой» был устроен опрос о поэте, в котором принял участие и Соснора. На вопрос о влиянии Цветаевой поэт отвечает, что в 60-е его испытывал, «но также и „Слова о полку Игореве“, Кирши Данилова, Державина, фольклора» [«Одна... 1992: 6]. К сообщаемым Соснорой сведениям стоит относиться критически, однако влияние перечисленных авторов и источников прослеживается, в том числе и в стихотворениях, входящих во «Всадники», частично созданных уже к 1959 г.

² Наиболее близкие по времени к «древнерусским циклам» Сосноры: [Былины 1957; 1958; Илья Муромец 1958]. Отметим также выход в 1956 г. фильма «Илья Муромец» (реж. А. Л. Птушко). Его официально-патриотический ракурс мог быть актуален, скорее, для перво читателей-современников цикла «Всадники», но вряд ли близок его автору. Однако картина, показанная в разных странах и ставшая классикой советского кинематографа, – один из первых примеров художественного осмысления русских былин.

³ Как пишет Р. Г. Назиров, «Умолчание отражает повышенную эмоциональность речи и мобилизует контекстуальное воображение читателя: вследствие умолчания внимание реципиента *тем более* <Курсив авторов. – Т. К., И. Л.> концентрируется на том, что замалчивается <...> умолчание не создает тайны, а служит средством акцентирования того, о чем прямо не сказано. Так нужно понимать и латинскую поговорку: „Кто молчит, тот кричит“» [Назиров 1998: 57].

⁴ Другие публикации: [Соснора 2003: 17–18; 2006: 10–11; 2010: 25–26; 2018: 28–29; 2022: 11–12].

«древнерусского» цикла («Голь перекатная»)¹; в более ранней машинописи из фонда Николая Асеева – «„Слово о полку Игоревом“ в современном звучании» – «Карачарова» еще нет².

Карачарово

В Карачарове селяне –
крикуны.
Ох и любят они глотку
размять,
ох и любят помянуть под блины
новоявленного бога
и мать.
Соберутся в кабаке –
и в бока
заскорузные ладони:
– Дуду! –
И закатыт в кабаке трепака
под дуду,
да так,
что бревна
гудут
в кабаке.
А кабацкая голь,
завшивевшая,
в парше голова,
уворовывает яйца и соль,
огурцы и куропаток в рукава!
В Карачарове селяне –
крепыши,
бабы – пышки,
а детворня
кривнога, на ушибе ушиб,
испекает на угольях воронят
и, прищулив хитрющие ресницы,
преподносит воронят папашам:
– Вот попашете,
попшете из криницы,
и откушаете
уточки
с кашей...

В машинописных редакциях строка «Ох и любят они глотку» читалась «Ох и любят носоглотку», «ох и любят помянуть под блины» – «ох, не любят / помянуть / под блины». При подготовке к печати автор отказался и от анатомического термина *носоглотка*, и от лукавой синтаксической двусмыслицы: повторенное дважды «Ох, не любят...», судя по контексту, должно было бы означать «Любят, да еще как!»; но читателю при первом знакомстве с текстом нелегко было бы об этом догадаться.

Илья Муромец – незримый, неназванный и, собственно, еще не явившийся «герой» стихотворения. Но само его название «Карачарово» – аллюзия на образ богатыря. Указывая на место, считающееся его родиной, реально существующее село «Карачарово» под Муромом, оно также напоминает о традиционных зачинах некоторых былин о богатыре: «Как из славного города из Муромы, / из того села Корочаева...» («Первая поездка Ильи Муромца в Киев») [Илья Муромец 1958: 20].

Центральное место в композиции стихотворения занимает строфа, посвященная *кабацкой голи* (ср. первоначальное название сборника: «Голь перекатная»). Она отсылает к былинам об Илье Муромце и голях кабацких³. В них Илья обычно возвращается в Киев под видом калики: «Ото стольного города Киева / Ко славному городу Чернигову... / Идет калика перехожая» [Илья Муромец 1958: 252]. Эта деталь – неявное связующее звено «Карачарово» с двумя другими стихотворениями цикла: «Калики» и «Калика» (оба – 1959). Заходя в кабак, Илья просит продать ему вина, предлагая в заклад нательный крест, но ему отказывают. По просьбе богатыря голи складываются по копейке и угощают его:

Как он вышел на площадь на торговую,
И скрикнул-де калика зычным голосом:
– Собирайтесь-ко все голи до единого,

¹ Виктор Соснора. Голь перекатная / сентябрь 1959 – февраль 1960 [ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-607 (М. И. Борисова). Оп. 1. Д. 567. 74 лл.]; Карачарово (лл. 66–67); Виктор Соснора. Голь перекатная / сентябрь 1959 – февраль 1960 [РГАЛИ. Ф. 2577 (Л. Ю. Брик, В. А. Катанян. Оп. 1. Ед. хр. 1548. 64 лл.]. На титульном листе инскрипт: «Л. Ю. Брик / с уважением, / с благодарностью за / знакомство. / В. Соснора / 13.III. 1962 г.». Карачарово (лл. 35–36).

² Виктор Соснора. «Слово о полку Игоревом» в современном звучании [РГАЛИ. Ф. 28 (Н. Н. Асеев). Оп. 1. Ед. хр. 333. 68 лл.].

³ В стихотворении Сосноры словосочетание «голь кабацкая» употребляется в собирательном значении, в то время как собирательный образ русского фольклора выражен формой множественного числа – «голи кабацкие». Намеренные «неточности» поэтического языка Сосноры – включение анахронизмов, эклектичных деталей – отмечаются, например, в стихотворении «1111 год». В нем обращают на себя внимание не соответствующие историческому времени этноним *россияне*, жаргонное *баранья роба*. Подобные «смешения» объясняются «поэтической» логикой Сосноры, противопоставляющей себя логике «научной»: «Для автора, как для поэта, и для читателя, принимающего правила игры, она не менее убедительна» [Биткинова 2015: 148].

А купите вина мне полтора ведра,
 А опохмельте калику пережожего.
 Собирались голи до единого.
 Как собрали калики да по денежки,
 И мало того – по копеечке,
 И купили калики полтора ведра
 [Илья Муромец 1958: 253].

После, разбив винные погреба, богатырь выкатывает бочки с вином и угощает голей. Сюжет былин об Илье Муромце и голях кабацких «близко примыкает к былинам о бунте богатыря против князя Владимира, в которых рассказывается, как не позванный на княжеский пир Илья устраивает свой пир для голей» [Илья Муромец 1958: 486]. Илья Муромец является в былинах другом голей кабацких, однако разрушение государевых кружал, символизирующих нечистое богатство, входит в число его подвигов: «В народных эпических песнях кабак губит балладных молодцев и вызывает решительный протест богатырей, часто изображается порождением „латынского города“, чуждальной стороны» [Новичкова 2001: 120].

Кабак, традиционно считавшийся в книжной и народной культуре антиподом церкви (вспомним, например, написанное в форме пародии на церковную службу сочинение XVII в. «Служба кабаку»), – центральное место действия стихотворения о Карачарово и карачаровцах. Они значимо названы *селянами*: более ожидаемое словоупотребление *крестьяне* дало бы звонкую аллитерацию («В Карачарове крестьяне крикунны...»), в обращении к каковым автор «Всадников» редко себе отказывает. Однако он помнит, что слово *крестьяне* – народная (и не только) этимология связывает его с *христианством* и *крестом* – появляется в письменных памятниках лишь с XIV века. В мире, который описан и изображен в стихотворении, христианство еще воспринимается как новость («...новоявленного Бога»). *Селяне*, как и упомянутые вскользь *бабы*,

выражены конкретными существительными во множественном числе, *голь*¹ и *детворня*² – собирательными существительными.

В финале отчетливо слышима реминисценция, отсылающая к школьно-хрестоматийным строкам из 19-й главы «октябрьской поэмы» Владимира Маяковского «Хорошо!» (1927), описывающим будущее советской деревни.

У Маяковского:

Сидят
 папаши.
 Каждый
 хитр.
 Землю попашет,
 напишет
 стихи [Маяковский 1958 (т. 8): 327].

У Сосноры концевая рифма (*папаши* – *попашет*) преобразована в легко опознаваемую внутреннюю (*папашам* – *попашете*), характеристика крестьян-колхозников («Каждый хитр») также подвергается преобразованию, сохраняя узнаваемость. *Детворня* у него

<...>, прищулив хитрющие ресницы,
 преподносит воронят папашам:
 – Вот попашете,
 попьете из криницы,
 и откушаете
 уточки
 с кашей...

Читатель, вспомнивший финал поэмы Маяковского, вспомнит и ее первые строки:

Время –
 вещь
 необычайно длинная, –
 были времена –
 прошли былинные.
 Ни былин,
 ни эпосов,
 ни эпопей <...>
 [Маяковский 1958 (т. 8): 235].

¹ Слово *голь*, в ряду других характерных для словообразования Есенина субстантивов (*выть*, *хлюп*), встречается в его раннем стихотворении «Черная, потом пропахшая выть!» (1914): «Оловом светится лужная голь...» [Есенин 1995 (т. 1): 64]. В стихотворении «Русь уходящая» (1924) встречается авторский неологизм *оголь* («О чем крестьянская судачит оголь» [Есенин 1997 (т. 2): 105], которым воспользовался Маяковский в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» (1929): «...одеваем нищ и бголь» [Маяковский 1958 (т. 10): 18].

² Недоброжелательный критик отмечал: «В угоду рифме „буян“ становится „буянщиком“, а „детвора“ „детворней“. Звуковая стихия несет поэта над смыслом и чувством, рушит ветхие грамматические законы, ломает значения слов, не признает единства тональности внутри фразы или между соседствующими предложениями. <...> Виктор Соснора не одинок. Стихия претенциозности, захлестывающая иные поэтические “кораблики”, пагубно сказывается на языке произведений» [Горелов 1966: 189–190]. Приведенное суждение лишь подчеркивает непонимание материала критиком и, напротив, тонкую работу со словом поэта-слесаря.

Книга Виктора Сосноры «Всадники» написана явственно *после* Маяковского, с учетом поэтической техники Маяковского и вместе с тем – в споре с Маяковским. Если для Маяковского былинное, эпическое время осталось в прошлом, для Сосноры оно еще не наступило; Илье Муромцу еще только предстоит родиться в Карачарово¹.

Вторым невидимым героем «Карачарова» становится сам Маяковский, с его мессианизмом, поэтическими сквернословиями, с ранними хулиганскими футуристическими выходками. Богатырь и праведник Илья как бы «отрицает» Карачарово, а поэт-хулиган Маяковский парадоксальным образом продолжает и развивает его. Ассоциативные ореолы в «Карачарово» охватывают весь путь Маяковского: от раннего мессианизма («...новоявленного Бога...»), брани и богохульств («...и мать»)² до пропагандистской поэмы, написанной за три года до самоубийства.

Илья Муромец упомянут у Маяковского всего один раз – в значительно менее известной поэме «Пятый Интернационал» (1922), где поэт превращается в «людюгуся»:

Человек не человек,
а так –
людюгуся [Маяковский 1957 (т. 4): 110].

Деревенская жизнь видится поэту-людюгусю из далекого будущего (1940–1950), и это видение выглядит как первый набросок хрестоматийной сельской идиллии 19-й главы «Хорошо!»:

В красных,
в зеленых крышах села!
Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый! [Там же: 110].

В тех же футурологических видениях:
Горизонт бровями лесными хмурится.
Еще винчусь.
Становища Муромца
из глаз вон. [Там же].

Богатырь и поэт сближены в подтексте стихотворения Сосноры по линии первенства и по характеру «начала пути»: Маяковский – «первый и лучший» «советский поэт»; Илья – первый и главный из былинных богатырей. В обоих случаях «начало пути» не вытекает прямо из их предыстории, из детства, проведенного в Карачарово или в Багдади.

Эта параллель восходит к книге Виктора Шкловского «О Маяковском» (1940), с большой вероятностью знакомой молодому Сосноре (известно о его раннем увлечении футуризмом):

«Можно по-разному начинать книгу о поэте, если она не его биография. И биографию не обязательно начинать сначала. У биографий начала бывают разные. <...> Илья Муромец не имеет детства. Оно начинается с прихода к нему странников. До этого Илья Муромец скучал на печке. <...> Вот будем думать о том, когда был призван Маяковский. О детстве его мы писать не будем» [Шкловский 1940: 5–6].

Эффект «Карачарова» Сосноры основан на минус-приеме: ни Ильи, ни Маяковского в нем нет, они присутствуют – и генерируют смысл – благодаря культурной и реминисцентной памяти читателя. Следующий раздел в книге о Маяковском, «Пейзаж», Шкловский начинает так: «Но все же напишем о месте, где родился Маяковский. К юго-востоку от древне-

¹ И. Кобзев приводил строки из «Карачарова» как пример «злой насмешки над понятием „поэтическое слово“»: «Речь идет, правда, о старых временах, но как раз именно о селе Карачарове, родине любимейшего народного богатыря Ильи Муромца. С очень большой нелюбовью говорится здесь о славных русичах: „...А кабацкая голь, <-> испекает на углях воронят...“, и т. д.» [Кобзев 1970: 50].

² Строки «новоявленного бога / и мать» перекликаются со стихотворением Маяковского «Сергею Есенину» (1926): «Оглушить бы / их / трехпалым свистом // в бабушку / и в бога душу мать!» [Маяковский 1957 (т. 7): 104]. В связи с вовлекающей в ассоциативное поле «Карачарова» фигурой Есенина вспоминаются, в свою очередь, строки его стихотворения, входящего в цикл «Москва кабацкая»: «Мне осталась одна забава: / Пальцы в рот – и веселый свист» [Есенин 1995 (т. 1): 185]. Так, «мерцание» фигуры Есенина в стихотворении Сосноры поддерживается кабацкой мотивикой. Кроме того, поэтический дар и страшный конец роднят Есенина с Маяковским. На этом основании в ассоциативное поле «богатырского» плана втягивается и память об образе Святогора; в некоторых версиях былины он перед своей страшной гибелью передает часть силы Илье Муромцу [Илья Муромец 1958: 14]. В таком случае сила, растворенная в обитателях Карачарова («В Карачарове сельяне – крепыши»), обретает концентрированное выражение в образе неназванных богатырей, а передача силы становится метафорой поэтического наследования. Заметим, что Святогор и Илья Муромец – представители двух поколений героев русского эпоса. Святогор относится к древнейшему, мифологическому пласту, Илья Муромец – к новой, «богатырской» эпохе. Интересно с этой точки зрения взглянуть на поколения поэтов: Есенина, Маяковского и Соснору.

го города Кутаиси находится селение, называемое Багдад или Багдади» [Там же: 7].

Сопоставление Маяковского с богатырем Ильей Муромцем у Шкловского с большой вероятностью восходит к источнику, знакомство с которым в случае Сосныры представляется маловероятным. Это рецензия Романа Гуля «Запевший Илья Муромец», напечатанная в 1923 году в берлинской газете «Накануне» [Гуль 1923: 8]. Гуль писал:

Поющую женщину легко себе представить. Кажется, что каждая женщина умеет и должна петь. И трудно представить поющего Мужа, Vir'a, Илью Муромца. <...> И в нем действительно не было и нет ничего от даращего слезами и нежным голосом «женственного». Он – поэтическая нелепость! Внезапно запевший Илья Муромец! Это – Владимир Маяковский <...> Суровая, мужская манера – единственно. В поэзии нет у него родителей. Он – абсолютно одинок. Он – первороден. И вряд ли будет иметь «поэтических детей»: – для голоса Маяковского нужны его легкие [Гуль 1923: 8].

Несмотря на мозаичность графического оформления строк (переносы со сдвигами и без сдвигов; две строки, оформленные «по-маяковски» «лесенкой», и проч.), текст «Карачарова» составляют пять четверостиший с перекрестной рифмовкой.

В композиции отчетливо видны черты линейности (4 строфы с последовательно мужскими окончаниями ведут к 5-й, с женскими) и концентричности: первые две описывают преимущественно нравы карачаровских *селян*, центральная – кабацкой *голи*, а две последние показывают читателю *детворню*.

Стихотворение написано тактовым стихом, однако этот тактовик неоднороден; вслед за переменной в окончаниях стиха, его характер меняется в пропорциональном отношении 4: 1. В первых четырех строфах тактовый стих предстает дериватом пеана III, в последней, пятой – анапеста.

Первый стих («В Карачарове селяне – крикуны») точно соответствует схеме пеана III (2–3–3–) – «камаринского», что соответствует «кабацкой» мотивике строк I–III, где кабак резонирует звук и сам превращается в гигантское (в духе поэтики Маяковского) подобие музыкального инструмента:

И закаты в кабаке трепака
под дуду,
да так,
что бревна
гудут
в кабаке¹.

Пеан III в чистом виде реализован также в стихах 12, 13 и 16 («огурцы и куропаток в рукава!», «В Карачарове селяне – крепыши», «испекает на угольях воронят»)². В стихах 2–8, 11 и 15 последний интервал стягивается до двух слогов. Фактически основная часть стихотворения написана «симметричным» логаздом на основе пеана III: 2–3–2–. Ощутимые отклонения видны в стихе 9, где все интервалы двусложны («в кабаке. А кабацкая голь»), и стих, не порывая связи с пеаном, реализует схему трехсложного анапеста (2–2–2–), а также в стихах 10 и 14, где метр расшатывается благодаря односложной («завшивевшая, в парше голова»)³ и нулевой («бабы – пышки, а детворня») анакрусам. За счет сокращения анакрысы

¹ Строфический характер этого анжамбемана в авторской графике пропадает, однако резкость переноса-разрыва читатель ощущает благодаря записанной лесенкой предшествующей строке: «под дуду, / да так, / что бревна / гудут». Вторая такая строка в стихотворении – последняя: «и откушаете / уточки / с кашей...». «Дальнейшее – молчание». Значимость *кабака* подчеркнута трехкратным употреблением слова, которое при этом обнаруживает свою несамостоятельность: в первом случае («Соберутся в кабаке...») важно социо-культурное измерение (в кабаке, а не в жилой избе или, например, в храме), во втором («И закаты в кабаке...») кабак важен как интерьер, некоторое внутреннее пространство, где свершается действие, в третьем – как целостное архитектурное сооружение и резонатор звука («...бревна гудут / в кабаке»).

² Нетрудно превратить в пеан стих 11: для этого нужно произнести слово *яйца* трехсложно, как того требовала литературная норма XIX века. Вряд ли автор предполагал возможность такого прочтения, но оно может помочь читателю ощутить самый момент «стягивания» трехсложного интервала в двусложный; ср: «уворовывает яйца и соль» (2–3–3–) и «уворовывает яйца и соль» (2–3–2–).

³ Можно, впрочем, на правах «поэтической вольности» допустить чтение слова «завшивевшая» с неправильным ударением: *завшивевшая*, а не *завшивевшая*; в таком случае схема 2–3–2– не нарушается. Словарно правильное ударение дает в этом богато аллитерированном стихе («завшивевшая, в парше голова»: 4 «в» и 3 «ш») энергичный сбой метрического ожидания (ямбическое вкрапление среди сдвоенных хореев пеана III) и четырехсложный интервал: 1–4–2–.

в этих двух стихах – и только в них – появляются четырехсложные интервалы («завшивевшая, в парше» и «пышки, а детворня»). Это намечает движение в сторону характерного для поэзии Маяковского акцентного стиха («Маяковский отказался от силлаботонизма, от счета слогов» [Шкловский 1940: 131]), но у Сосноры сохраняется связь расшатываемого метра с его силлабо-тонической основой.

Первые две доли последнего четверостишия («и, прищурив хитрющие») подхватывают трехсложную меру стиха 9 («в кабаке. А кабацкая голь»), и это, вкупе с женскими окончаниями, сообщает всей строфе трехсложную, в частности анапестическую, инерцию. Стих не переходит в акцентный (максимальная длина интервалов не превышает трех слогов), но связь с пеаном III уже не чувствуется: в последней строфе читатель ощущает смену тона рассказываемого (попытка услышать последние 4 стиха пеаном или его дериватом приведет к акцентологическому нонсенсу: «и, прищурив хитрющие ресницы»).

Отдельное семантическое пространство связано в стихотворении с упоминаемой снедью, продовольственным фундаментом жизни карачаровцев. В первой половине стихотворения это лишь *блины* с выраженным ритуальным (поминальным) и невыраженным празднично-масленичным значением («ох и любят помянуть под блины»). Начиная со стиха 11, открывающего вторую половину, лексикон и пространство стихотворения буквально заполняются снедью: *яйца, соль, огурцы, куропатки, пышки* (в составе сравнения), *воронята*, вода из *криницы*, *уточка с кашей*. Слова, называющие разновидности еды и питья, оставаясь частью нраво- и бытоописательной составляющей стихотворения, проявляют самостоятельные значения, восходящие к народно-символическим и ритуально-религиозным, а также к этимологической памяти. В этом качестве они вступают друг с другом в отношения, выходящие за описательные пределы, и выполняют миромоделирующую функцию. Так, в композиционном центре, стихах 10–11 («завшивевшая,

в парше голова, / уворовывает яйца и соль») сближены *голова* и *яйцо (яйца)*, что находит соответствие в архаичных представлениях об устройстве мира (мировое яйцо) и человека: «... принципиально важное подобие в структуре верха и низа подтверждается материалом мифов и ритуалов, мифопоэтической биологии, анатомии и медицины, данными языка. Речь идет о соотношении головы и *testicula*» [Топоров 1983: 253]. Кроме того, стихи 11–12 («уворовывает яйца и соль, / огурцы и куропаток в рукава!») уводят в частушечный контекст:

Оп-цы! Огурцы!
Помидоры, яйца!
Я бы еще частушки пел,
Да устали пальцы.

Оп-цы! Огурцы!
Помидоры, яйца!
Да капуста-винегрет!
Хозяина дома нет!

Эти же строки способны напомнить об одном эпизоде сказки «Царевна-лягушка»¹. В нем Василиса Премудрая на пиру царя (своего свекра) кладет в один рукав кости съеденной дичи, в другой – выливает остатки вина, демонстрируя затем свои магические способности. По словам Р. Г. Назирова, «трансформация этого мотива объясняется забвением архаических представлений о возрождении съеденных птиц из их костей <...> Как указывает К. Е. Корепова, этот эпизод „сохранен восточнославянской сказкой еще от мифа. Этнографической основой его является обряд „умножения животных“» [Назирова 1982: 34]. В контексте этих представлений интересно осмыслить и эпизод стихотворения Сосноры, в котором «магические» способности кабацкой голи сводятся к незаметному воровству ради «умножения пищи».

Несмотря на метафоричность второго из словоупотреблений, *блины* объединяются с *пышками* как *мучные изделия* и противопоставляются друг другу как *плоское* и *объемное, двухмерное* и *трехмерное*². Мучные изде-

¹ О сказочной Царевне-лягушке напоминает и входящее в цикл «Всадники» большое стихотворение «Веснушка-дурнушка», название которого рифмуется с названием «Царевна-лягушка».

² Ср. показательное для художественного мира Маяковского отрицание *монумента/идола* («Мне бы / памятник при жизни / полагается по чину. // Заложил бы / динамиту / – ну-ка, / дрызнь!» [Маяковский 1957 (т. 6): 56]) и почтение к двухмерному, плоскому изображению (версия на тему иконопочитания: «Двое в комнате. / Я / и Ленин – // фотографией / на белой стене» [Маяковский 1958 (т. 10): 17]).

лия связываются со смертью («помянуть под блины») и женским, рождающим началом («бабы – пышки»). Соль проявляет свое религиозное значение («Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям», Мф 5: 13), *огурцы* – народное, связанное с символикой богатого потомства («Без окон, без дверей полна горница людей»).

Яйца (несомненно, куриные) открывают внутри этого продуктового лексикона «птичий» ряд: *яйца*, *куропатки*, *воронята*, *уточка*. Этимология слова *куропатка* ('похожая на курицу, куроподобная птица') подготавливает эффектный обман-подлог в финале: печеные *воронята* под видом «уточки с кашей». Финал стихотворения – яркая до болезненности сценка-картинка – окрашен в inferнальные тона: *детворня* – *кривонога* (инфернальная асимметрия)¹, *воронята* – черные, *угли* – черно-красные.

Определение *детворни* как *кривоногой* может намекать также и на известный эпизод биографии Ильи Муромца, когда он был не в состоянии ходить: просидел «сиднем» более тридцати лет и был исцелен паломниками, «каликами перехожими»: «Как приходили две калики перехожия / Под тое окошечко косявчето» и «поили его питьицем медвяным: и с того он стал владеть руками и ногами и силушку получил великую» [Илья Муромец 1958: 9, 11]. С этим эпизодом по ассоциации перекликается и название-аллюзия стихотворения, предшествующего «Карачарово», – «Калики», а также его начало: «Приходили калики к Владимиру, / Развлекали Владимира песенками» [Соснора 1969: 16].

Фактически в художественном мире стихотворения *селяне*, *бабы*, *кабачкая голь*, *детворня* и *воронята* выступают дублерами друг друга: создается образ глубоко порочной, греховной и вместе с тем «подлинной» жизни: здесь царят брань, богохульство, пьянство, воровство, лезть и обман. Скрытый «фигурой умолчания» богатырь и праведник Ильи Муромец может явиться здесь только чудесным образом, как бы отрицая ценности карачаровской жизни. «Высокие» значения *птицы* не проявлены: *пти-*

ца является здесь предметом кражи, поедания и подлога. Однако они присутствуют как еще не осуществившаяся возможность, потенциал. *Воронята* хранят память об амбивалентности народной символики *ворона* (предвестник беды и символ мудрости в одно и то же время). Кроме того, в контексте русской литературной и исторической памяти, *ворон* и *вороненок* ассоциируются с «калмыцкой сказкой» Емельяна Пугачева из пушкинской «Капитанской дочки», где 300-летний ворон противопоставлен орлу, живущему лишь 33 года [Пушкин 1978 (т. 6): 237–238] (столько же лет «сидел сиднем» Илья Муромец), и его же подлинным последним словам перед казнью, где выражена идея *предвестия*: «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает» [Пушкин 1978 (т. 8): 189]. В контексте поэзии Маяковского *вороненок/ уточка* перекликается с образом *поэта-людогоуса* из поэмы «Пятый Интернационал», а может быть, и с названием «хулиганской» книжки Алексея Крученых «Утиное гнездышко дурных слов» (1913). Лыстивое (а по сути – издевательское) предложение откусать «уточки с кашей» подобно предложению отвесть «супа с котом»: нечто, разрешившееся в ничто.

М. Желнина отметила, что «убийство (самоубийство) какого-либо животного или птицы <...> является одним из основных сюжетов Сосноры. Интересно, что традиционно это убийство совершается детьми» [Желнина 1996: 161]. Строки, посвященные *детворне*, содержат ступок мотивно-образных ассоциаций: «испекает на углях воронят / и, прищурив хитрющие ресницы, / преподносит воронят папашам». *Уголья* и *воронят* объединяет черный цвет; *уголья* и *испекает* – связь с *огненным пеклом*; вместе со словом *преподносит* (перекликающимся с *приносит*) сближение названных слов вызывает в памяти знаменитый отрывок из Жития протопопа Аввакума: «Куручка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу...» [Житие протопопа Аввакума 1934: 99]. Кроме того, стихотворение Сосноры будто бы вступает в спор с поэмой Маяковского: «Сидят папаша. Каждый хитр» – «а детворня <...> прищурив хитрющие ресницы, препод-

¹ О народных представлениях в связи с проявлением у детей телесных уродств см.: [Новичкова 2001: 200].

носит воронят папашам». Здесь вновь отзывается эхом переключка с Житием протопopa Аввакума: «курочка... черненька... по два яйца... приносила...». Если в сознании читателя возникает отсылка к образу «огнепального протопopa», принявшего мученическую смерть за «старую веру», то благодаря ему высвечивается богатырская ипостась не былинного или агиографического персонажа, а «человека»¹, обладающего несокрушимой волей, силой духа, готовностью к самопожертвованию во имя великой идеи. Неслучайно историк С. М. Соловьев называет Аввакума «протопopом-богатырем» [Соловьев 1863: 206]².

С темой отцов и сыновей (детей) во «Всадниках» связан мотив хитрости и обмана, присутствующий и в цикле былин, в которых Илья Муромец сражается с чужеземным богатырем-нахвалящиком. В большинстве их вариантов эта тема «разрабатывается как повествование о бое отца с неузнанным сыном (Сокольников или Подсокольниковом) – древний сюжет, известный эпосам многих других народов (иранским – „Шах-нам“, германским – „Песни о Гильдебранте“³, эстонским – „Кивви-аль“ и др.)» [Илья Муромец 1958: 474]. В одном из вариантов былины имеется эпизод, когда сын, узнавший, что Илья его отец, желает расправиться с ним обманом, нападая на спящего богатыря, но убийство заканчивается неудачей:

Как ведь тут же Илья всё как заспал жо,
 Как крепким-то сном заспал богатырским же;
 Ишше взял Подсокольницёк-от остро копые,
 Как направил ёму всё в ретиво серьцё;
 Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:
 Розлетелось копые-то Ильи-то в белы груди;
 Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой
 же крест,

Золотой-от ведь крест был во вси груди;
 Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе
 [Илья Муромец 1958: 199].

Былинная сцена убийства отца сыном, в свою очередь, переключается с эпизодом стихотворения «Рогнеда», предшествующего «Каликам» и «Карачарову»:

– Ах ты, сука непорочная!
 Ты грозишь:
 в грязи
 родишь сына,
 хитроумника, ненавистника,
 и сынок
 отца
 завлечет в капкан
 и прикончит Владимира быстренько
 [Соснора 1969: 14–15].

В основе стихотворения «Рогнеда» лежат летописные рассказы о сватовстве князя Владимира к Рогнеде и, что произошло позже, о неудачном покушении Рогнеды на Владимира из мести: за расправу с ее семьей, а также из ревности. Согласно летописи Рогнеда хотела заколоть спящего Владимира ножом, но, проснувшись, он поймал ее за руку. Эта ситуация напоминает былинную, с той разницей, что в роли убийцы выступает жена. Сын Владимира и Рогнеды Изяслав появляется немногим позже. Его выход с обнаженным мечом, по научению Рогнеды, прерывает попытку Владимира свести счеты с женой. Поединок отца с малолетним сыном, заступившимся за мать, не состоялся. В былине, к которой отсылает «Карачарово», бой отца с сыном – двух богатырей – осуществляется (хотя Илья этого и не желает), заканчиваясь победой отца. Так,

¹ В XVII в., по Д. С. Лихачеву, происходит открытие ценности человеческой и авторской личности, и старообрядческие автобиографии этот феномен ярко демонстрируют [Лихачев 1958: 151–161].

² Некоторые из ассоциативных переключек (как, например, с образом протопopa Аввакума) могут уводить достаточно далеко от стихотворного текста Сосноры. Авторы статьи не претендуют на то, чтобы «угадать правильно». Чтение как ранних, так и поздних стихов Сосноры – увлекательная задача, которая, однако, не превращается в ребус, имеющий единственно верное решение. Поэтика авангарда предполагает, что жизнь стихотворения продолжается в «сотворческом» сознании читателя, экстатически (как у Хлебникова и Маяковского), выходит за пределы собственно текстовой «жизни» и текстовых реалий. Может сложиться ошибочное впечатление неправдоподобно широкой культурной осведомленности автора, однако в его поэтической системе творцом «культурного поля» становится читатель, которому дано полное право выстраивать ассоциативные ряды, даже если автор не имел их в виду, «угадывать» в том числе и «неправильно». Соснора намеренно «вуалировал» источники своих сочинений и распространял разные версии знакомства с ними (их исследование может стать темой отдельной работы). Связь и развертывание ассоциативных цепочек в сознании читателя далеко не всегда подчиняется прямолинейной логике; это свойство поэтического текста приводит к принципиальной «монтажности» его аналитического описания и некоторому «нарушению» логической связанности между описанием разных уровней организации текста. В своем анализе мы стараемся показать, как «работает» поэтика Сосноры на частном, конкретном примере.

³ Подробнее см.: [Матюшина 2010].

в частности, в цикле разворачивается тема повторяющихся в иной форме или новом витке событий. В одном контексте с «Карачарово» «Рогнеда» предвосхищает былинную сцену.

Отметим, наконец, параллелизм первой и четвертой строф, основывающийся на точном совпадении начал («В Карачарове сельчане...») и фонетической игре со словом и его элементами. Близкое к точности совпадение стихов 1 и 13 ставит все сказанное между ними «в скобки» и под знак вопроса: а было ли оно сказано? Но нет, было: читатель убеждается в этом, лишь дойдя до общего фонетического компонента слов *крикуны* [кр'икуны́] и *крепыши*: [кр'ипыши́]: [кр'и-]. Далее слово «раздва-

ивается», а проявившийся компонент [-*пыш-*] в следующем стихе становится корневым и ударным («бабы – пышки») и многообразно отзывается, как эхо, в словах финала: *ушиб, папашам, попашете, откушаете, с кашей*.

У работающего с архаикой и авангардом Сосноры в стихотворении «Карачарово» фигуры былинного богатыря Ильи Муромца и поэта Владимира Маяковского сближаются на основании «первенства». Отмеченные ранее черты его поэтики – «недоговоренность», «недосказанность», «намеки» – становятся средством вовлечения в творческий процесс читателя, имеющего, подобно автору, право «перефантазировать» поэтический текст.

Литература

- Астахова, А. М. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII вв. / А. М. Астахова [и др.] // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / подгот. А. М. Астахова [и др.]. – М.; Л.: АН СССР, 1960 (Памятники русского фольклора).
- Бибииков, М. В. Илья Муромец в Афонской традиции / М. В. Бибииков // Древнейшие государства Восточной Европы. Памяти Г. В. Глазыриной. 2016. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. – С. 290–293.
- Биткинова, В. В. Текст документа, стилиевой диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Сосноры / В. В. Биткинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). – С. 135–151.
- Былины / вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 486 с.
- Былины : в 2 т. / подготовка текста, вступ. статья, с. III–LXIV, и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. – М.: Гослитиздат, 1958. – 564 с. + 524 с.
- Горелов, Ал. Труд всей жизни... (Наблюдения над языком современной литературы) / Ал. Горелов // Звезда. – 1966. – № 7. – С. 184–199.
- Гуль, Р. Б. Запевший Илья Муромец (Лирика Вл. Маяковского) / Р. Б. Гуль // Накануне (Берлин). – 1923. – № 454, 7 октября. – С. 8.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Гослитиздат, 1938. – 312 с.
- Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Наука; Голос, 1995–2002.
- Желнина, М. Архетипическая триада *Поэт – Смерть – Слово* в поэзии Виктора Сосноры (Мифопоэтический анализ текста: сфера интерпретации) / М. Желнина // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – 1996. – № 4. – С. 145–163.
- Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступит. статья и коммент. Н. К. Гудзия; оформление по рисункам Ф. И. Тихомирова. – М.: Academia, 1934. – 497 с. (Русские мемуары, дневники, письма и материалы под общ. ред. В. И. Невского).
- Илья Муромец / подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 557 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Кобзев, И. О любви и нелюбви / И. Кобзев // Русская речь. – 1970. – № 3. – С. 45–51.
- Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 186 с.
- Лопухина, Е. В. Илья Муромец / Е. В. Лопухина, Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. Т. 22: Икона – Иннокентий / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 307–312.
- Маграчев, Л. Е. Рабочий-поэт / Л. Е. Маграчев. – Текст : электронный // Радиоочерк. – 1960. – URL: <http://staroradio.ru/audio/36279> (дата обращения: 06.07.2022).
- Малышев, В. И. Повесть о Сухане (Из истории русской повести XVII века) / В. И. Малышев. – М.; Л.: АН СССР, 1956. – 223 с.
- Матюшина, И. Г. Былины об Илье Муромце и Сокольнике в древнегерманском контексте / И. Г. Матюшина // *Arbor mundi* (Мировое древо). – 2010. – Вып. 16. – С. 160–202.
- Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1957–1961.
- Назирова, Р. Г. Возрождение из костей в мифах и сказках / Р. Г. Назирова // Фольклор народов РСФСР : сборник статей. – Уфа : Башк. ун-т, 1982. – С. 28–35.
- Назирова, Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе / Р. Г. Назирова // Поэтика русской и зарубежной литературы : сборник статей. – Уфа : Гилем, 1998. – С. 57–71.
- Новичкова, Т. А. Эпос и миф / Т. А. Новичкова. – СПб.: Наука, 2001. – 253 с.
- «Одна – из всех – за всех – противу всех...» // Литературная газета. – 1992. – № 41 (5148), 7 октября. – С. 6.

- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979.
- Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 13 / С. М. Соловьев. – М. : В университетской типографии, 1863. – 779 с.
- Соснора, В. А. Январский ливень / В. А. Соснора. – М. ; Л. : Советский писатель, 1962. – 100 с.
- Соснора, В. А. Триптих / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1965. – 155 с.
- Соснора, В. А. Всадники / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1969. – 112 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1977. – 176 с.
- Соснора, В. А. Возвращение к морю: Лирика / В. А. Соснора. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. – 304 с.
- Соснора, В. А. Александрийцы / В. А. Соснора // Комментарии: Журнал для читателя. – 1995 – № 6. – С. 79–109.
- Соснора, В. А. Книга Юга 1963 / В. А. Соснора // Мансарда: Литературно-художественный журнал. – 1996. – № 1. – С. 51–64.
- Соснора, В. А. Всадники. (По мотивам «Слова о полку Игореве») / В. А. Соснора ; предисл. Д. С. Лихачева. – СПб. : Пушкинский фонд, 2003. – 112 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Амфора, 2006. – 870 с.
- Соснора, В. А. Последняя пуля / В. А. Соснора. – СПб. : Издательская группа «Азбука-Классика», 2010. – 224 с.
- Соснора, В. А. Жизнь моя: Избранные стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Издательская группа «Лениздат»; Команда А, 2013. – 176 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга ; М. : ООО Группа компаний «РИПОЛ классик»; Издательство «Пальмира», 2018. – 910 с.
- Соснора, В. А. Ладога / В. А. Соснора. – СПб. : Т8 Издательские технологии ; Пальмира, 2022. – 414 с. (Сер. «Часть речи»).
- Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
- Шкловский, В. Б. О Маяковском / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1940. – 224 с.

References

- Astakhova, A. M., Likhachev, D. S. (Eds.). (1958). *Il'ya Muromets* [Ilya Muromets]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 557 p.
- Astakhova, A. M. et al. (1960). *Byliny i ikh pereskazy v rukopisyakh i izdaniyakh XVII–XVIII vv.* [Epics and Their Retellings in Manuscripts and Editions of the 17th–18th Centuries]. In Astakhova, A. M. et al. (Eds.). *Byliny v zapisyah i pere-skazakh XVII–XVIII vekov.* Moscow, Leningrad, AN SSSR.
- Bibikov, M. V. (2018). *Il'ya Muromets v Afonskoi traditsii* [Ilya Muromets in the Athos Tradition]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Pamyati G. V. Glazyrinoi.* 2016. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 290–293.
- Bitkinova, V. V. (2015). *Текст документа, стилизованный диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Соснора* [Document Text, Stylistic Dialogue and Language Game in Victor Sosnora's Historical Essays]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, No. 3 (35), pp. 135–151.
- Drevnie Rossijskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshyey Danilovym* [Old Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]. (1938). Moscow, Goslitizdat. 312 p.
- Esenin, S. A. (1995–2002). *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t.* [Complete Set of Works, in 7 vols.]. Moscow, IMLI imeni A. M. Gor'kogo RAN, Nauka, Golos.
- Gorelov, Al. (1966). *Trud vsei zhizni... (Nablyudeniya nad yazykom sovremennoi literatury)* [The Work of a Lifetime ... (Observations on the Language of Modern Literature)]. In *Zvezda*. No. 7, pp. 184–199.
- Gudziya, N. K. (Ed.). (1934). *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum by Himself and His Other Writings]. Moscow, Academia. 497 p.
- Gul', R. B. (1923). *Zapevshii Il'ya Muromets (Lirika Vl. Mayakovskogo)* [Singing Ilya Muromets (Lyrics of Vl. Mayakovsky)]. In *Nakanune* (Berlin). No. 454, p. 8.
- Kobzev, I. (1970). *O lyubvi i nelyubvi* [About Love and Dislike]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 45–51.
- Likhachev, D. S. (1958). *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Old Russia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 186 p.
- Lopuhina, E. V., Florya, B. N. (2009). *Iliya Muromets* [Ilya Muromets]. In Aleksii II (Ed.). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Vol. 22: Ikona – Innokentii. Moscow, Tserkovno-nauchnyi centr «Pravoslavnaya entsiklopediya», pp. 307–312.
- Magrachev, L. E. (1960). *Rabochii-poet* [Worker-poet]. In *Radioozerk*. URL: <http://staroeradio.ru/audio/36279> (mode of access: 06.07.2022).
- Malyshev, V. I. (1956). *Povest' o Sukhane (Iz istorii russkoi povesti XVII veka)* [The Tale of Sukhan (From the History of the Russian Story of the 17th Century)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 223 p.
- Matyushina, I. G. (2010). *Byliny ob Il'e Muromtse i Sokol'nike v drevnegermanskom kontekste* [Epics about Ilya Muromets and Sokolnik in the Old Germanic Context]. In *Arbor mundi (Mirovoe drevo)*. Vol. 16, pp. 160–202.
- Mayakovskiy, V. V. (1957–1961). *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Set of Works, in 13 vols.]. Moscow, GIKhL.
- Nazirov, R. G. (1982). *Vozrozhdenie iz kostei v mifakh i skazkakh* [Rebirth from Bones in Myths and Fairy Tales]. In *Fol'klor narodov RSFSR: sbornik statei*. Ufa, Bashkirskii universitet, pp. 28–35.
- Nazirov, R. G. (1998). *Figura umolchaniya v russkoi literature* [The Figure of Silence in Russian Literature]. In *Poetika russkoi i zarubezhnoi literatury: sbornik statei*. Ufa, Gilem, pp. 57–71.
- Novichkova, T. A. (2001). *Epos i mif* [Epos and Myth]. Saint Petersburg, Nauka. 253 p.

- «Oдна – iz vsekh – za vsekh – protivu vsekh...» [“One – of All – for All – against All ...”]. (1992). In *Literaturnaya gazeta*. No. 41 (5148), p. 6.
- Propp, V. Ya., Putilov, B. N. (Eds.). (1958). *Byliny: v 2 t.* [Epics, in 2 vols.]. Moscow, Goslitizdat. 564 p. + 524 p.
- Pushkin, A. S. (1977–1979). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Set of Works, in 10 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977–1979.
- Putilov, B. N. (Ed.). (1957). *Byliny* [Epics]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 486 p.
- Shklovsky, V. B. (1940). *O Mayakovskom* [About Mayakovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 224 p.
- Solovyev, S. M. (1863). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Vol. 13. Moscow, V universitetskoi typographii. 779 p.
- Sosnora, V. A. (1962). *Yanvarskii liven'* [January Downpour]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel'. 100 p.
- Sosnora, V. A. (1965). *Triptikh* [Triptych]. Leningrad, Lenizdat. 155 p.
- Sosnora, V. A. (1969). *Vsadniki* [Horsemen]. Leningrad, Lenizdat. 112 p.
- Sosnora, V. A. (1977). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Lenizdat. 176 p.
- Sosnora, V. A. (1989). *Vozvrashchenie k moryu: Lirika* [Return to the Sea: Lyrics]. Leningrad, Sovetskii pisatel', Leningradskoe otdelenie. 304 p.
- Sosnora, V. A. (1995). Aleksandriitsy [Alexandrians]. In *Kommentarii: Zhurnal dlya chitatelya*. No. 6, pp. 79–109.
- Sosnora, V. A. (1996). *Kniga Yuga 1963* [Book of the South 1963]. In *Mansarda: Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*. No. 1, pp. 51–64.
- Sosnora, V. A. (2003). *Vsadniki (Po motivam «Slova o polku Igoreve»)* [Riders (Based on “The Tale of Igor’s Campaign”)]. Saint Petersburg, Pushkinskii fond. 112 p.
- Sosnora, V. A. (2006). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg, Amfora. 870 p.
- Sosnora, V. A. (2010). *Poslednyaya pulya* [The Last Bullet]. Saint Petersburg, Izdatel'skaya gruppa «Azбука-Klassika». 224 p.
- Sosnora, V. A. (2013). *Zhizn' moya: Izbrannye stikhotvoreniya* [My Life: Selected Poems]. Saint Petersburg, Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», Komanda A. 176 p.
- Sosnora, V. A. (2018). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg, Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga, Moscow, OOO Gruppy kompanii «RIPOL klassik», Izdatel'stvo «Pal'mira». 910 p.
- Sosnora, V. A. (2022). *Ladoga* [Ladoga]. Saint Petersburg, T8 Izdatel'skie tehnologii, Pal'mira. 414 p.
- Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. In *Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, pp. 227–284.
- Zhel'nina, M. (1996). Arkhetipicheskaya triada Poet – Smert' – Slovo v poezii Viktora Sosnory (Mifopoeticheskii analiz teksta: sfera interpretatsii) [Archetypal Triad Poet – Death – Word in the Poetry of Viktor Sosnora (Mythopoetic Analysis of the Text: The Sphere of Interpretation)]. In *Russkii tekst: Rossiisko-amerikanskii zhurnal po russkoi filologii*. No. 4, pp. 145–163.

Данные об авторах

Ковалева Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: tkvl@inbox.ru.

Лошилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: loshch@yandex.ru.

Authors' information

Kovaleva Tatiana Ivanovna – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Loshchilov Igor Evgenievich – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 05.10.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 05.10.2022; date of publication: 29.12.2022